

Димитър Кенанов. *Метафрастика: Симеон Метафраст и православната славянска агиография*. Велико Търново: Издателство "ПИК", 1997, 238 с. ISBN 954 8258 97 7.

Монография Димитрия Кенанова *Метафрастика: Симеон Метафраст и православная славянская агиография* представляет собой оригинальное исследование средневековой православной агиографии, выполненное на материале греческих и церковнославянских рукописных и старопечатных источников.

Безусловная ценность монографии состоит прежде всего в том, что в ней много-сторонне рассматривается особая традиция стилистического редактирования агиографического текста, заложенная в X веке известным византийским литературным деятелем Симеоном Метафрастом и оказавшая заметное воздействие на церковнославянскую книжность начиная с XIV века.

Как известно, уже с IV века в византийской культуре формируются два независимых и взаимно противопоставленных направления, надолго определивших ее гетерогенный характер — аскетическое и гуманистическое, в котором христианская традиция соединялась с интеллектуальным наследием античности. Эта расчлененность византийской культурной ситуации обусловила сосуществование и взаимную противопоставленность двух различных "стилистических уровней" литературного языка, которые в значительной степени коррелировали с указанными выше направлениями византийской культуры: аскетическая традиция передавалась посредством текстов "низкого стилистического уровня", что противопоставляло ее языковой элитарности гуманистического направления, продолжавшего античные языковые и риторические традиции.

Заслуга Симеона Метафраста состоит в том, что он поднял современную ему византийскую житийную литературу, довольно примитивную в языковом и стилевом отношении, на качественно новый уровень художественной выразительности, переработав значительный массив агиографических текстов в соответствии с такими эстетическими критериями, которые представители аскетического направления традиционно считали наследием язычества, несовместимым с образцовыми текстами христианского содержания. В результате такой эстетической революции византийская агиография сделала заметный шаг навстречу риторическим и художественным традициям, которые культивировались представителями гуманистического направления, и заняла достойное место в системе византийской церковной литературы.

Примечательно, что такая реформа, инициированная Симеоном Метафрастом, была осуществлена в X веке, когда христианство уже окончательно закрепилось в качестве единственной нормы во всех сферах жизнедеятельности на территории Византии. В хронологическом отношении небезынтересно и то, что рассматриваемая реформа происходила уже после так называемого византийского литургического синтеза, завершившегося в основном к IX веку и объединившего в себе черты мирского и монашеского богослужения, которые в предшествовавший период существовали как две независимые и взаимно противопоставленные литургические традиции. Нет никакого сомнения в том, что перечисленные выше культурные инновации явились прямым следствием существенной эволюции византийского монашества и церковного общества в целом.

Совершенно понятно, что во времена Симеона его эстетические установки не могли найти живого и заинтересованного отклика в православных славянских странах, только что вступивших на путь всесторонней христианизации общества. Зато в XIV в., когда значительная часть этого исторического пути была уже пройдена, славянские книжники смогли по достоинству оценить византийские метафрастов-

ские традиции, которые с этого времени стали оказывать значительное влияние на церковнославянскую литературу.

Итак, рассматриваемая автором рецензируемой работы традиция, названная им *метафрастикой*, представляет собой отдельный вид средневекового книжного творчества, заключающийся в последовательной стилистической переработке большого массива созданных ранее житийных текстов с целью придания им такой формы, которая соответствовала бы новым эстетическим требованиям, обусловленным, в свою очередь, новыми философскими и богословскими воззрениями. Понятно, что такая тема неизбежно требует междисциплинарного подхода, который и демонстрирует автор монографии, свободно оперируя понятиями теологии, философии, культурологии и литературоведения. В качестве вспомогательных используются также некоторые приемы языкознания, прежде всего стилистический анализ.

Однако *метафрастика* — это, по мнению автора, также история последующего бытования (и рецепции) в византийской и церковнославянской традиции конкретных житийных текстов, переработанных самим Симеоном Метафрастом. Следовательно, термин *метафрастика* оказывается двузначным и обозначает, во-первых, особую разновидность стилистического редактирования любого агиографического текста и; во-вторых, историю рецепции конкретных, собственно метафрастовских византийских житий (и их церковнославянских переводов). Две эти в корне различные метафрастики следовало бы разграничить терминологически, предложив для них разные названия. Это позволило бы избежать формально (но не логически) противоречивых утверждений типа того, что объективно митрополит Макарий является русским метафрастом, несмотря на явное преобладание в его Великих Четвях Минейх дометафрастовских житий (с. 195).

Интердисциплинарный подход удачно дополняется межкультурным характером монографии, поскольку в ней рассматриваются явления не одной, а двух родственных, но в общем все же довольно различных культурных традиций — греческой и церковнославянской, причем последняя — в трех своих разновидностях: древнеболгарской, древнесербской и древнерусской. Работа выполнена на обильном текстовом материале большого временного диапазона — от X до XVIII в. Широкие общекультурные обобщения сочетаются в ней с внимательным анализом текста литературных произведений.

Большой интерес представляет сделанный в монографии обзор научной литературы о личности Симеона Метафраста и книжном предании о нем в греческой и грузинской традициях, являющийся синтетическим введением в метафрастику. Наиболее ценные авторские разработки содержатся в четвертой и пятой главах монографии, посвященных роли метафрастовских житий в книжном наследии Тьрнонской литературной школы (с. 105–171) и метафрастовским традициям в церковнославянской литературе XV–XVIII вв. (с. 173–220).

Интересна предложенная в работе классификация стилистических направлений в южнославянской агиографии, которые доминировали в разные исторические периоды: исторический монументализм (XI–XIII вв.), *плетение словес* (XIV–XVI вв.) и просторечная метафрастика (XVII–XVIII вв.). При спорности некоторых деталей, например, определения исторического монументализма как начального этапа *плетения словес* (с. 96), в целом классификация кажется наглядной и убедительной. Более того, она может иметь смысл для истории не только южно-, но и восточнославянской агиографии, поскольку в XVII–XVIII веках на Руси житийные тексты, выполненные в стиле *плетения словес*, также подвергаются редактированию с целью упрощения стиля. Таким образом, на Руси вырабатывается новый агиографический стиль, по сути тождественный болгарской просторечной метафрастике

XVII–XVIII вв. и совпадающий с ней хронологически. Если же просторечная метафрастика является надрегionalным явлением, то, видимо, причины ее надо искать отнюдь не в балканских реалиях эпохи турецкого господства, как это делает автор монографии (с. 179–180).

Наконец, следует отметить, что исследование Димитрия Кенанова написано в языковом ключе, близком к эмоционально-экспрессивному стилю тырновской риторической прозы. Это оказывает дополнительное эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя и убеждает в том, что стилистические традиции Тырновской литературной школы, а, следовательно, и перенятое ею метафрастовское риторическое наследие, являются живым компонентом современной болгарской филологической деятельности.

Монография Димитрия Кенанова *Метафрастика: Симеон Метафраст и православная славянская агиография* является весомым вкладом в изучение средневековой греческой и церковнославянской агиографии, открывающим для будущих исследователей этой проблематики новые перспективы.

Сергей Темчин,
Вильнюс

Словенская лингвистическая литература за 1994–1998 гг.

В обзоре рассматриваются монографические исследования и издания, но не материалы периодических изданий (таких, как *Slavistična revija*, *Jezik in slovstvo*, сборники *Seminar slovenskega jezika*, *literature in kulture*, ежегодных совещаний славистов и др.). Исключением составляет один из номеров сборника *Traditiones* Института этнографии Академии наук и искусств Словении, так как он, в отличие от других сборников данной серии, посвящен в основном проблемам языка.

Словенский язык, на котором говорит 2–2,5 млн. человек, относится к малым языкам, что своеобразно контрастирует с большим разнообразием его говоров и диалектов. По ставшей классической классификации Ф. Рамовша [Ramovš 1935], словенский язык представлен более чем 40 говорами, образующими 7 диалектных зон. Поэтому диалектное и историческое развитие словенского языка, а также его современное состояние представляет большой интерес как для славистов, так и для индоевропеистов, что объясняет постоянное внимание к словенской филологической традиции.

В поле зрения словенских языковедов неизменно остаются Фрейзингские отрывки, старейший славянский текст, написанный латиницей (ок. 1000 г.). После его научно-критического издания [Brižinski spomeniki 1993] вышел сборник исследований [Brižinski spomeniki 1996] по всему спектру проблем, связанных с памятником (история, археология, палеография, типология, лингвистика, стилистика и др.). Среди авторов сборника — Т. Логар (*Принципы новой фонетической записи Фрейзингских отрывков*), Л. Мошинский (*О религиозной терминологии памятника*), А. Супрун (*К лексической структуре памятника*), Ф. Якопин (*Аорист и имперфект в Фрейзингских отрывках*) и др.

Одна из первых публикаций Фрейзингских отрывков была предпринята Б. Копитаром в 1836 г. как приложение и материал для сравнения в издании глаголических памятников 11 в. *Глаголита Клоцианус*, в “одном из тех изданий памятников, которое нельзя не назвать образцовым” (И.И. Срезневский). Его факсимильное пе-